

Львович Роман
(композитор.)

23.06.04

**“Какое, к чертям, творчество?
Бери “блатняк” в три аккорда —
и в ресторан!”**

ИЗ ЧЕГО НЫНЧЕ БЕРУТСЯ КОМПОЗИТОРЫ...

Понятно, что их мама рождает. Композитор. Скучно? Тогда не хрена дальше читать! Вот Львович — тоже композитор. С виду не скажешь, что шибко заученный. Они-то народ хитрый, все у них хи-хи да ха-ха. Ни слова по-серьезному. А между тем этот самый Роман Львович 32 лет от роду получил только вот первую премию с подписью господина Шанцева за чудесную оперу “Хоббит” (его музыка и либретто). Оперу поставили в детском театре “Зазеркалье” — это в Питере. В дни премьеры улица Рубинштейна перекрывалась милицией: слишком народно было.

Мне в господине Львовиче одно не понравилось: Малера назвал заульным. Мол, “за чем сочинять слишком сложную музыку, казаться умнее, чем ты есть?” (цитата).

— Как я стал композитором? Хороший вопрос. Приехал из Казани. Познакомился здесь с Геннадием Гладковым. Стал он мне папой. Нет, стоп. Кое-что случилось еще в Казани. Попал я там под арт-обстрел...

— **Шутишь?**

— Я сказал “арт-обстрел”. С одной стороны заседали академики-авангардисты, в экстазе считающие звуки. Наблюдающие, как звук №33 делится на звук №417. Строили на этом концепции. Нет, я просто в ужасе был от этой “современной композиторской школы”. С другой стороны — эстрада. Мне твердили: “Какое творчество? С ума сошел??? Бери три аккорда — блатняк — и по ресторанам иди. Деньги есть? Есть. Что еще надо?”

— **Не пошел по эстраде?**

— Смutilи меня заветы великих. Баха, Моцарта. Ведь думали люди не только о ресторанах. И тут до меня доходят слухи, что в Москве так организовано некое третье направление, та самая “золотая середина”, к которой лежала моя душа: Гладков, Артемьев, Дашкевич... Это они сформулировали. Творить на стыке старого и нового, серьезного и развлекательного...

— **Дашкевич говорил, что в сочинении обязательно должен быть некий запоминающийся мотив. Уютный и удобный.**

— Верно. Вот и заболел я этим делом. Пишу в этом стиле до сего дня. И “Хоббит” так написан.

— **Как этот стиль по науке зовется?**

— Третьим и зовется.

— **Третьим будешь?**

— Буду третьим. В Англии это называют “легкой классикой”, а в Германии неоромантизмом.

— **Так что с “Хоббитом”?**

— Были какие-то заморочки. Допустим, у Толкиена нет ни одного женского персонажа — пришлось выдумывать. Для баланса. Или стал я выписывать сюжет драконьей битвы, наиграл потом Гладкову. Он изумился: “Что это?” Я объясняю: “Это дракон. Он тупой”. А Гладков: “Правильно. Но это же дракон тупой, а не ты”. Я взял и все переписал. А слова его запомнил надолго. “Хоббит” красивым вышел. Что ни номер, то шлягер.

— **Значит, ты универсал?**

— Знаешь, очень многие мои коллеги — остатки тех, кто не пошел по ресторанам, — до сих пор считают, что есть музыка “на заказ”, а есть “для души”. И по музыке их это видно.

— **А ты как считаешь? Ведь заказы тебе кормят.**

— Находишь в себе что-то, что заставляет прогнуться... Чтобы идеи этого заказа стали твоими, в тебе варились. Что-то вроде “и нашим, и вашим”. И тогда получается, что с одной стороны — заказ, с другой же — исповедь.

— **Откровенно. Деньги или душа...**

— Нет, и я долго искал “свое лицо”. Писал в стол. Наивный был. Думал так. Вот сижу я за столиком. Сейчас подойдет дяденька, возьмет меня за руку и выведет в Шостаковичи. Потом, уже учась в консерватории у Леденева, не раз слышал от приезжавших из-за границы, что людей моего “третьего направления” там отбросами считают. Подходят и говорят: “Ты — отброс”. Потом, правда, все не так оказалось. Нет здесь торных дорожек. Каждый мой шаг авантюрен...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.

Михаил Романович, 2004-2005 гг.